

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

А. А. Зализняк

Древнерусские
энклитики

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2008

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 07-04-16251

Зализняк А. А.

3 55 Древнерусские энклитики. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 280 с.

ISBN 5-9551-0232-9

Книга посвящена малоизученной проблеме исторического синтаксиса русского языка — функционированию и исторической эволюции древнерусских энклитик, то есть безударных слов, примыкающих в просодическом отношении к предшествующему слову фразы. В число энклитик входили частицы (*же, ли, бо, ти, бы*), местоименные словоформы (*ми, ти, си, мя, ты, ся, ны, вы* и др.) и связки (*есмы, еси* и т. д.).

В книге на материале большого числа древних памятников, в первую очередь берестяных грамот и летописей, показано, что в древнерусском языке расположение энклитик во фразе подчинялось строгим закономерностям, знание которых оказывается существенным для правильного понимания древнерусских текстов. Детально исследована также эволюция энклитик на протяжении XI–XVII веков, в ходе которой часть энклитик исчезла, а энклитика *ся* превратилась из самостоятельного слова в неотделимую составную часть глагольной словоформы.

Книга предназначена для лингвистов, литературоведов и историков, занимающихся историей русского языка и словесности, а также для более широкого круга читателей, интересующихся вопросами истории русского языка.

ББК 81.2Рус

В оформлении переплета использована фотография с сайта etoday.ru.

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Восточнославянские энклитики — в отличие от южно- и западнославянских — привлекали к себе до сих пор, как в синхроническом, так и в историческом плане, очень мало внимания. В курсах истории русского языка соответствующий раздел вообще отсутствует.¹

Причина недостаточного внимания к вопросу об энклитиках явно в том, что в современных восточнославянских языках от богатой древней системы славянских энклитик не осталось почти ничего и нынешние энклитики этих языков не играют сколько-нибудь существенной роли в их грамматике. И эта особенность современных восточнославянских языков, отличающая их от южных и западных соседей, по-видимому, подсознательно понижала интерес к этой проблеме также и при изучении языка древней эпохи.

Следует признать также, что для недооценки роли энклитик в древнерусском синтаксисе имелись и некоторые объективные основания: до открытия берестяных грамот (точнее, до систематического анализа их синтаксиса) по-настоящему оценить эту роль было действительно нелегко.

Нельзя сказать, конечно, что поведение энклитик в древнерусском языке оставалось вообще незамеченным. Констатацию того, что в древнерусском языке положение с энклитиками было в общем сходно с другими славянскими языками, а не с современным русским, мы находим уже у Миклошича (1874: 271) и Бернекера (1900: 60 и далее). Но они ограничиваются лишь краткими замечаниями на эту тему.

Особо отметим монографию Гуннарссон 1935, посвященную положению показателя возвратности *са* в древнерусской фразе. Она содержит ценные наблюдения над поведением *са* в ряде древнерусских памятников. Но, к сожалению, ее общие выводы ныне имеют лишь весьма ограниченную ценность — в частности, потому, что рассмотренные Гуннарссоном памятники очень неполно отражают действительную картину синтаксиса живого древнерусского языка.

Самой значительной и удивительной по проникательности работой в этой области является статья Романа Якобсона «Les enclitiques slaves» (Якобсон 1935), представляющая собой его выступление на съезде лингвистов в 1933 г. В ней содержится целый ряд положений, опередивших свое время, которые, увы, не привлекли к себе должного внимания русистов и не получили развития в их работах.

¹ В частности, никакого специального раздела, посвященного проблеме энклитик, не обнаруживается в таких общих курсах, как Соболевский 1907, Шахматов 1915, Дурново 1924, Якубинский 1953, Борковский, Кузнецов 1963, Горшкова, Хабургаев 1981.

Следует учитывать, однако, что история русских энклитик рассматривалась в статье Якобсона не сама по себе, а лишь как часть истории энклитик во всем славянском мире. Конкретного древнерусского материала Якобсон не приводит и не разбирает. Сбор и детальный анализ такого материала лингвистам еще оставалось произвести.

В настоящей книге мы как раз и пытаемся решить эту задачу.

При этом чрезвычайно важно то, что за время, отделяющее нас от статьи Якобсона, доступный лингвистам древнерусский материал стал принципиально гораздо богаче — в силу открытия таких бесценных новых документов, близких к живой древнерусской речи, как берестяные грамоты. Тем самым тезисы Якобсона подверглись необычайно серьезной проверке. И мы можем, забегаая вперед, сказать, что они не только не пострадали от этой проверки, а напротив, получили на новооткрытом материале яркое подтверждение.

В настоящее время мы можем с полной уверенностью утверждать, что в древнерусском языке положение было совсем иным, чем в современном: существовал чрезвычайно четкий механизм функционирования энклитик, и его роль в построении фразы была весьма значительной. Во многих случаях только знание этого механизма позволяет правильно интерпретировать древнерусскую фразу, и можно указать немало ошибок интерпретаторов и переводчиков, возникших из-за незнания закономерностей употребления энклитик.

Механизм функционирования энклитик решительно противоречит поверхностному тезису о том, что на протяжении всей истории русского языка «порядок слов был свободным» (в силу которого проблема порядка слов могла вообще не рассматриваться в исторических курсах).

С точки зрения общего языкознания, процесс исторической эволюции системы энклитик, приведший к ее полной перестройке, представляет собой чрезвычайно важный пример эволюции, позволяющий с большой наглядностью и хорошей степенью документированности проследить ход крупного системного изменения в языке.

По всем этим причинам функционирование и историческая эволюция восточнославянских энклитик заслуживают подробного изучения.

Ранним, предельно сжатым вариантом изложения основных положений настоящей книги является одна из частей работы Зализняк 1993 (а именно, раздел «Место энклитик в предложении и их порядок» = § 62–75, с. 280–298). В настоящей книге исследован намного более широкий круг источников, ряд проблем разработан гораздо полнее, но принципы исследования, основные идеи общего порядка и важнейшие выводы не претерпели с тех пор существенных изменений. Во введении использован ряд положений, содержащихся в книге Зализняк 1985.

Основная задача настоящей книги ограничена древнерусским языком. В отдельных случаях привлекается также материал старославянских источников, но на полный анализ системы старославянских энклитик мы не претендуем. Выявленная в настоящей книге система древнерусских энклитик может быть сопоставлена с соответствующими системами, с одной стороны, других древних индоевропейских языков, с другой — живых южно- и западнославянских

языков. Но в рамках настоящей работы ни одна из этих дополнительных задач, требующих отдельного большого труда, не ставилась.

Приношу глубокую благодарность М.Н. Толстой за ценные замечания и за неоценимую помощь во всех технических аспектах подготовки книги и А.А. Пичхадзе и В.М. Живову за предоставление мне электронных версий ряда важных древнерусских памятников.

ВВЕДЕНИЕ

Основные черты древнерусской просодической системы

§ 0.1. Необходимо прежде всего ввести основные термины, которыми нам предстоит оперировать в последующем изложении.

Основные черты древнерусской просодической системы таковы.

В потоке речи всякое предложение с просодической точки зрения распадается на так наз. тактовые группы. Тактовая группа представляет собой отдельную словоформу или несколько словоформ, объединенных в просодическом отношении (подробнее см. ниже, § 0.3).

Все словоформы делятся на акцентно самостоятельные, способные хотя бы в некоторых случаях сами по себе составить отдельную тактовую группу, и клитики (не обладающие этим свойством, то есть объединяющиеся в одну тактовую группу с предшествующей или последующей словоформой).

Заметим, что клитики иногда определяют просто как словоформы, не имеющие ударения. Такое определение допустимо только в качестве первого, довольно грубого приближения. В славянских языках (как, впрочем, и во многих других) клитики в действительности вполне могут оказаться носителями ударения. Существенно лишь то, что для этого нужны некоторые специальные условия (которые будут ясны из последующего изложения); в немаркированном случае, то есть при отсутствии этих специальных условий, клитики действительно безударны.

Акцентно самостоятельные словоформы могут быть также названы полноударными (строго говоря, внутренняя форма данного термина соответствует, как будет видно ниже, лишь относительно позднему состоянию системы; но мы позволим себе употреблять его просто как синоним для более длинного «акцентно самостоятельные»).

В раннедревнерусском основное просодическое противопоставление на уровне слогов таково: фонологически ударный слог – фонологически безударный слог. Важнейшая особенность рассматриваемой просодической системы состоит в том, что существуют акцентно самостоятельные словоформы, у которых все слоги фонологически безударны. Такие словоформы называются энклиноменами. Им противопоставлены акцентно самостоятельные словоформы, содержащие фонологически ударный слог; они называются ортотоническими.² Данное противопоставление действительно также для тактовых групп: они могут быть энклиноменными или ортотоническими.

² Здесь необходимо отметить, что в ряде работ, в частности, у Г. Гуннарссона и в части случаев также у Р. Якобсона, термин «ортотонический» используется в более широком смысле, а именно, как синоним для «акцентно самостоятельный».

Ниже в тех немногих случаях, когда нам потребуется отмечать ударение в древнерусских словоформах (не в составе цитат из памятников), мы будем обозначать фонологическое ударение знаком ' над ударной гласной, а принадлежность словоформы или тактовой группы к числу энклиноменов — знаком - перед словоформой (тактовой группой); например: *мьнѡго, рабѡта, женѡ; -слово, -на слово, -были, -не были.*

Данное противопоставление реально для раннедревнерусского, т. е. для домонгольской эпохи. Позднее (к сожалению, пока еще не удастся с точностью определить, когда именно) его собственно фонетическая основа постепенно утрачивается. Противопоставление ортотонических словоформ и энклиноменов приобретает с синхронической точки зрения новое содержание, а именно: ортотонические словоформы имеют постоянное (не подверженное ни утрате, ни сдвигам) ударение на определенном слоге (*мнѡго, рабѡта, женѡ, женѡ*), а энклиномены в изолированной позиции имеют ударение на первом слоге (*слѡво, гѡлову, были, прѡдаль*), а в составе более крупной тактовой группы с проклитиками и/или энклитиками самостоятельного ударения не имеют — ударение принадлежит тем или иным клитикам (*на слово, за голову, не были, не продалъ, продалъ сѧ, не продалъ сѧ*).

Проклитики и энклитики

§ 0.2. Часть клитик (так наз. проклитики) в потоке речи входит в одну тактовую группу с последующей словоформой, другая часть (так наз. энклитики) — с предшествующей словоформой.

Соответственно, проклитика не может стоять в конце фразы, а энклитика не может стоять в ее начале.

Проклитики — это основная часть союзов и предлогов и некоторые из частиц.

Из союзов к числу проклитик в древнерусском языке относятся: *и, а, нь, то, та, ти, ци, чи* и *яко* (в качестве изъяснительного союза); см. также ниже о слове *да*. Из предлогов: *без, въ, въз, за, из, къ, на, передъ, по, при, про, о, об, отъ, съ, у, чересь*. Эти союзы и предлоги ниже могут быть также названы первообразными.³

Из частиц проклитиками являются *не, ни, и* (усилительное) и *се* (в значении 'вот').

Так, слово *да* (союз и частица, входящая в состав оборота типа *да будетъ*) в позиции после проклитики является энклитикой, во всех прочих позициях — проклитикой (подробнее см. § 1.14).

Частица *ли* — энклитика; но существовал также и полноударный союз *ли* (см. § 1.5).

³ Казалось бы, достаточно назвать эти союзы и предлоги просто проклитическими. Но, как будет видно ниже, в определенных случаях свойства проклитик могут приобретать и другие союзы. Поэтому во избежание недоразумений мы обозначаем союзы основной группы не по просодическому признаку, а иначе.

Частица *бо* — энклитика; но в живых говорах Юго-Западной Руси *бо* могло выступать также как союз, и в данном качестве это проклитика (см. § 1.6).

Союз *нь* — проклитика; но существовала также и частица *нь* (довольно редкая) — энклитика (см. § 1.13).

Союз *то* 'тогда, в таком случае, то' — проклитика; но местоимение *то* 'это, то' — энклиномен, а частица *то* (например, в *оже то, коли то* и т. п.) — энклитика.

Частица *се* 'вот' — проклитика; но местоимение *се* 'это' — энклиномен.

Изъяснительный союз *яко* 'что' (вводящий косвенную, а также и прямую речь) — проклитика; но тот же союз в других значениях ('как, как бы', 'потому что' и др.), равно как союзное слово *яко* 'каким способом, как' — энклиномен.

Отметим также группу омонимов, включающую единицы неодинакового происхождения:

союз *ти* 'и, то, так что' — проклитика; но частица *ти* 'ведь, же' и местоимение *ти* 'тебе' — энклитики (см. § 1.7 и 1.9), а местоимение *ти* 'те, они' — энклиномен.

Помимо собственно проклитик, как проклитики в определенных случаях могут себя вести также некоторые акцентно самостоятельные словоформы из числа местоименных словоформ и непервообразных союзов, а именно, они могут утрачивать самостоятельное ударение и примыкать в акцентном отношении к следующему слову. Это явление мы будем называть вторичной проклизой, а словоформы, которые его допускают, — полупроклитиками.⁴

Примеры полупроклитик: *язь, я, ты, мы, кьто, чьто, аже, ать, или, оже*.

В настоящей работе вторичная проклиза отмечается знаком °; например, запись *ты° даль еси* означает, что в данной фразе словоформа *ты* (в нормальном случае акцентно самостоятельная) ведет себя как проклитика. Подробнее о вторичной проклизе и полупроклитиках см. § 1.38.

Энклитики — это большинство частиц, ряд местоименных словоформ (*ми, ти, си, ма, та, са* и др.) и связки (*есь, еси* и т. д.); их перечисление и описание содержатся в §§ 1.4–17.

В поведении энклитик следует различать два аспекта — фонетический и синтаксический. Разумеется, определяющими для энклитик являются их фонетические свойства: само понятие энклитики основано на них. Однако для энклитик характерно также и весьма специфическое синтаксическое поведение, а именно, их место во фразе определяется жесткими закономерностями (которые будут подробно рассматриваться ниже).

Поэтому опознать энклитику в принципе возможно и в том случае, когда фонетическая сторона текста нам недоступна, например, когда перед нами письменный памятник древнего языка, не имеющий знаков ударения.

Может оказаться, что комплекс фонетических характеристик энклитик и комплекс их синтаксических характеристик выделяет не в точности одну и ту же совокупность единиц. Так, на возможность некоторого расхождения между этими двумя комплексами указано в работе Толстая 2000, где анализируются энклитики в одном из закарпатских украинских говоров. Соответственно, мы

⁴ Мы используем здесь терминологический опыт А. Вайяна, который называет слова, обнаруживающие в части случаев свойства энклитик, полуюнклитиками.

должны в принципе различать собственно энклитики (выделяемые по просодическим признакам) и «синтаксические энклитики», т. е. единицы, обладающие синтаксическими свойствами, характерными для собственно энклитик, но необязательно обладающими всем комплексом соответствующих фонетических черт.

При изучении древнерусского языка сведения о фонетическом поведении энклитик может дать в сущности лишь один памятник — Чудовский Новый Завет XIV века, текст которого снабжен знаками ударения (см. об этом подробнее § 0.4). Из всех прочих древнерусских памятников мы можем извлечь при изучении энклитик только сведения об их синтаксическом поведении. Это значит, что практически все излагаемые в настоящей книге наблюдения, строго говоря, относятся к тому, что можно назвать «синтаксическими энклитиками».

Необходимо указать также следующее свойство клитик. Проклитика может непосредственно соединяться с энклитикой, без участия акцентно самостоятельного слова, например: *да же, не бо*. Такое соединение (которое может состоять и из нескольких проклитик, за которыми следует несколько энклитик, например, *и не ли ми*) называется проклитико-энклитическим комплексом (иначе проклитико-энклитической группой).

В отличие от энклитик, проклитико-энклитический комплекс может стоять в начале фразы. Подробнее о таких комплексах см. § 1.39–41.

Тактовая группа (фонетическое слово)

§ 0.3. Как уже указано, тактовая группа — это отдельная словоформа или несколько словоформ, объединенных в просодическом отношении. Объединение выражается в том, что тактовая группа получает с просодической точки зрения такое же строение, как у единой словоформы — ортотонической или энклиноменной. В первом случае тактовая группа получает единое фонологическое ударение — одно на всю группу. Например, тактовая группа *одѣнь на десате* имеет только одно ударение — на слоге *ди*; и то же верно и для более длинной тактовой группы *не на одѣнь на десате ли* (как и в современных наследниках этих древнерусских групп — *одѣнадцать, не на одѣнадцать ли*). Во втором случае тактовая группа целиком фонологически безударна, т. е. эквивалентна единому энклиномену, например: *дѣвѣ сътѣ, на три дѣни*.

Ввиду просодического сходства тактовой группы со словоформой в некоторых работах в том же значении, что «тактовая группа», употребляется термин «фонетическое слово».

Мы будем пользоваться в настоящей работе обоими этими синонимичными терминами. Дело в том, что хотя более обычно наименование «тактовая группа», нам ниже иногда придется иметь дело с формулировками, где должны фигурировать одновременно тактовые группы и актантные группы (о которых см. ниже), а это затруднительно для восприятия. Поэтому для облегчения громоздких формулировок мы предпочитаем в таких случаях использовать второе наименование — «фонетическое слово».

Различается несколько типов тактовых групп: 1) самый простой и самый частый тип — группа из одной акцентно самостоятельной словоформы, с проклитиками и/или энклитиками или без них, например, *много, много бо, слово, на слово, не на слово ли, продали, нъ не продали же, оже, оже ли*; 2) то же с двумя акцентно самостоятельными словоформами, например, *сего дъне, не сего дъне, спаси Богъ*; 3) группа, состоящая только из одной или нескольких проклитик в соединении с одной или несколькими энклитиками, например, *не бо, а ци ли, и ли (= или), не же ли (= нежели)*; это не что иное, как проклитико-энклитическая группа (проклитико-энклитический комплекс).

Имеющиеся данные позволяют представить формирование древнерусских тактовых групп следующим образом:

1) В медленной, раздельной речи тактовые группы формируются так: всякая проклитика объединяется в одну тактовую группу с последующей словоформой, всякая энклитика — с предшествующей; никаких иных объединений соседних словоформ не происходит.

2) В обычной (и, тем более, ускоренной) речи могут объединяться в одну тактовую группу две⁵ соседних тактовых группы медленной речи, если они тесно связаны по смыслу. Особенно характерно такое объединение для синтагм с местоимениями и числительными и для синтагм из прилагательного и определяемого существительного. Примеры: *вы вѣстѣ, въ тѣ поры, двѣ дъни, на три дъни, сего дъне, двѣ сътѣ, пять десѣтъ, оди́нь на десѣте, въ бѣлѣ городѣ, спаси́ Богъ, си́ рѣчь* (ср. в современном языке *сегодня, двести, пятьдесят, одиннадцать, спасибо, речь*). Но точные правила о том, когда происходило и когда не происходило такое объединение, неизвестны. Повидимому, в широком диапазоне случаев такое объединение было факультативным и зависело непосредственно от темпа речи.

Такое объединение, однако, как правило не происходит, если обе соседние тактовые группы — ортотонические. Исключения редки; таковы, например, *сеи часъ, семь десѣтъ, осмь десѣтъ*, которые ныне дали *сейчасъ, семьдесят, восемьдесят*. Можно предполагать, что объединения этого рода реализуются лишь в относительно позднее время, а первоначально были невозможны.

Ниже соединение двух или нескольких тактовых групп в одну может быть также названо просодическим объединением.

Акцентуация тактовых групп

§ 0.4. Как установлено в первую очередь работами В. А. Дыбо, акцентуация тактовых групп в древнерусском языке (как и в праславянском) подчинялась жестким закономерностям.

Основные принципы здесь таковы:

1. Если в составе тактовой группы имеется ортотоническая словоформа (и притом ровно одна), она сохраняет свое ударение, а все прочие члены тактовой группы, если таковые имеются, безударны. Примеры: *а не мно́го ли; то и не роди́ла бы сѧ; нъ не се́го дъне.*

⁵ Вероятно, иногда и более двух.

2. Если в составе тактовой группы нет ортотонических словоформ, то:

а) если нет также и энклитик, тактовая группа представляет собой энклиномен; примеры: *начальь*, *не начальь*, *и не начальь*, *родильь*, *на голову*, *три дьни*, *на три дьни*.

б) если энклитики есть, тактовая группа несет фонологическое ударение на первой из энклитик; примеры: *родильь сА*; *да и не начальь сА*; *не тако же́*; *что же́ ма* [зoвeтé]; частный случай здесь составляют проклитико-энклитические группы, например: *не бо́*, *ни же́*.

Что касается тех единичных тактовых групп, которые содержат более одной словоформы с фонологическим ударением (см. выше), то на этот случай общего правила нет. Как уже отмечено, первоначально таких тактовых групп, вероятно, просто не было.

Имеются также некоторые более частные правила, которые в отдельных ограниченных зонах несколько модифицируют действие этих основных принципов; например, в силу одного из таких правил вместо ожидаемого ударения типа *родило сА*, *родили сА* реально выступает ударение типа *родило́ сА*, *родили́ сА*. Но здесь нам нет необходимости рассматривать такие правила.

К сожалению, практически единственный древнерусский памятник, из которого можно непосредственно извлечь информацию об акцентуации энклитик, — это Чудовский Новый Завет XIV века. Эта информация проанализирована в классической работе Дыбо 1975. Приводим в качестве развернутой иллюстрации к приведенным принципам некоторые примеры из этого памятника (взятые частью из указанной работы, частью непосредственно из текста памятника; для многократно встречающихся примеров даем только одну отсылку).

К пункту 1: *полёзно бо ти* 4г; *отъ нарóда же* 72г; *до закóна бо* 101в; *не по мно́зѣ же* 78г; *ни болѣзни же* (Р.ед.) 158а (и т.п., очень много).

К пункту 2а: *и́ бѣси* 32в; *пó взрастоу* 88в; *и́ волк* (И.ед.) 46г; *ни́ на древо* 151г; *и́ звѣри* (В.мн.) 66а; *и́бо и́ землю* 61а; *о́ имени* 47а; *и́ крови* (Р.ед.) 69б; *на́ лeсть* (В.ед.) 92а; *бѣз лѣности* 128г; *при́ мори* 65а; *бѣз моужа* 110г; *ни́ мѣха* 32в; *пó нагу* 24б; *роуцѣ́ и́ нозѣ́* (В.дв.) 41а; *на́ площадѣ́* (В.мн.) 32в; *в врѣтици́ и́ попелѣ́* 32в; *на́ поуствѣ́ мѣствѣ́* 31г (об отсутствии знака ударения в словоформе *мѣствѣ́* см. примечание ниже); *ни́ свободѣ́* 123б; *ни́ слово^м* 134г; *пó страху* 142г; *и́ трепето^м* 128в; *нѣ тлѣжко* 132а; *вѣ́ оуши* 82г; *бѣзо́ чти* 19а; *нѣ́ ѡвѣ́* 45а; *и́ ты* 46в; *и́ мы* 44г; *дѣ́ мы* 122в; *и́ вы* 45б; *нó се* 76в; *дѣ́ кто* 22б; *нѣ́ тако* 126б;

и́ вложю́ 52а; *нѣ́ погоу|блю* 44в; *паки́ нѣ́ пощажю́* 121б; *нó чту* 46а; *и́ оуча* 132а; *и́ мстиль* 157а.

К пункту 2б: *не Бѣ́ ли́* 81в; *градó сь* ('этот город', В.ед.) 75б; *гра^а|жане́ же́* 37в; *дарь́ же́* 101в; *не двѣ́ ли́ птицѣ́* 7а; *дроу^г бѣ́ к дроу^г* 21а; *жестко́ ти́* 78а; *живо́ бѣ́ | слово* 144а; *кнази́ бѣ́* 105г; *корень́ бѣ́* 138а; *лѣпо́ | ли́ есть* 112г; *миръ́ ти́* ('тебе') 91г; *моужи́ же́ и жены́* 63в; *нощи́ же́* ('ночью') 39а; *не оба́ ли́* 29г; *остро|вѣ́ же́* 78г; *не плотани́ ли́ ксте́* 109а; *на родó сь* ('на этот род') 13б; *слово́ бѣ́* 104а; *страха́ же́ ихъ* 85а; *трѣсти́ ли́* (Р.ед.) 7б; *тѣло́ же́* (В.ед.) 146б;

аз́ же́ 102в; *аз́ бѣ́* 74а; *ты́ ли́* 40г; *мы́ бѣ́* 123г; *вы́ же́* 66а; *вы́ ма́* 121а; *не ти́ ли́* ('не они ли') 81в; *се́ же́* 11г; *се́ бѣ́* 29в; *кто́ бѣ́* 133а; *и́ кто́ ти́* 22в; *что́ же́*

ма зоветè 29г; что тї са мнї^т 10б; что вь рѣкоу 113а; и сами тѧ 35б; тако бò 4в; како жè 104в; ѧко жè 93а;

аще жè 103а; аще лї 111б; аще бò 101а; аще бы 123а;

постыжюсѧ 128а; сдержю жè са 128б; створю тї 22а; і створю вѧ 16г; щажю жè са 120г; боисѧ 132а; постисѧ 65в;

проклитико-энклитические группы — *і бò 15б, не жè 32в, не лї 39б, а не лї 18б, і не лї 19а, не бò 6в, ни жè 8б, ни лї 36г, не бы 23б, а не бы 146б, да жè 93а, да бы 46а, да мї 19б, да сѧ 59г, и дѧ 151б, не дѧ 44в, но дѧ 24б.*

Примечание. Используя показания древнерусских акцентированных памятников, необходимо все же учитывать, что во всех таких памятниках, не исключая и Чудовского Нового Завета, некоторая часть реально имеющих ударений остается необозначенной. Например, в записи *на поустѣ мѣстѣ* 31г в словоформе *мѣстѣ* просто не обозначено фонологическое ударение, которое стоит здесь на первом слоге. Понятно, что из-за этого единичный пример, где та или иная словоформа не имеет знака ударения, еще не может служить окончательным просодическим свидетельством — необходим анализ всей совокупности имеющих показаний, чтобы с достоверностью установить реальную безударность этой словоформы.

Следует, впрочем, указать, что даже и такой уникальный и бесценный источник сведений о древнерусском ударении, как Чудовский Новый Завет, отражает картину, все-таки не вполне совпадающую с первоначальной. В некоторых второстепенных точках системы здесь уже представлены отклонения от исходного состояния (обычно, правда, лишь в форме колебаний). Например, мы уже не находим здесь переноса ударения влево на союз *а* (ср. *а нѣ мирови* 49б, *а нѣ в ветсѣ писмѣни* 102в и т. п.), лишь крайне редко встречается перенос ударения на союз *но*, при наличии двух энклитик ударение иногда падает на вторую, а не на первую (например, *азъ же вѧ щажю* 111а, *ѧко же бò* 113б, *аще же бы* 145а), и др.

Но в настоящей книге нам почти не придется заниматься акцентологией: во-первых, подавляющая часть нашего материала состоит из неакцентированных рукописей; во-вторых, даже в тех немногих, которые имеют акцентные знаки (за исключением Чудовского Нового Завета), способ расстановки этих знаков таков, что он не дает возможности надежно установить, какие клитики были реально безударными и какие несли ударение.

Клауза

§ 0.5. Капитальное значение для изучения энклитик имеет правильное выделение того отрезка речевой цепи, в рамках которого действуют правила о порядке расположения энклитик. Таким отрезком оказывается синтаксическая единица, для которой в русской лингвистике нет традиционного общепринятого термина⁶ и за которой ныне все более закрепляется термин «клауза», идущий из англоязычной традиции (англ. clause). В книге Тестелец 2001 (с. 256)

⁶ Встречаются наименования: предикация, предикативная группа, элементарное предложение, первичное предложение. Все они по тем или иным причинам недостаточно удобны для широкого практического применения.

дается такое определение: «Клаузой называется любая группа, в том числе и не предикативная, вершиной которой является глагол, а при отсутствии полнозначного глагола — связка или грамматический элемент, играющий роль связки».

Это определение в целом пригодно для решения основной задачи настоящей работы. Лишь для некоторых частных случаев нам потребуется его несколько модифицировать или уточнить. Соответственно, ниже мы поясняем более конкретно, какие единицы расцениваются в настоящей работе как клаузы.

1. Самым обычным видом клаузы является простое предложение — выступающее самостоятельно или в качестве члена сложного предложения. Отметим, что в последнем случае союз, если он имеется, рассматривается как часть того предложения, перед которым он стоит. Например, в предложении: *како приде са грамота, тако пришли ми цоловѣкъ на жерепѣѣ, зане ми дѣѣсе дѣль много*⁷ — каждая из трех частей, разделенных в этой записи запятыми, представляет собой отдельную клаузу.

Примечание 1. Тем самым с практической точки зрения основное различие между клаузой и фразой состоит в том, что сложное предложение — это одна фраза, но две или более клаузы. Но при рассмотрении многих вопросов это различие несущественно и находится вне фокуса внимания. В таких случаях мы позволяем себе говорить не о клаузах, а просто о фразах, чтобы без особой необходимости не отвлекать лишнее внимание читателя нетрадиционным термином.

Здесь полезно отметить, что в древнерусском языке чаще, чем в современном, в функции сказуемого выступает инфинитив (обычно со значением должностования, например, *взати ми у Ивана рубль*).

Особый тип клауз составляют конструкции с подчиненным инфинитивом, например, *хочю са бити*. Здесь две глагольные словоформы, каждая из которых в принципе способна составить отдельную клаузу. Но с точки зрения размещения энклитик такие конструкции обычно ведут себя как единые клаузы, и именно так мы и рассматриваем их ниже.

Прочие виды клауз носят более специальный характер.

2. Как особый вид клаузы мы рассматриваем сложное предложение (самостоятельное или входящее в состав еще более крупного комплекса), где придаточное вклинено внутрь главного.⁸ Такие клаузы можно назвать «двухъярусными». Например, в предложении: *а что есмь придобьль золота, что ми даль Богъ, и коробочку золотую, а то есмь даль княгини своеи* — три клаузы: 1) *а что есмь придобьль золота, что ми даль Богъ, и коробочку золотую* (двухъярусная клауза); 2) *что ми даль Богъ*; 3) *а то есмь даль княгини своеи*.

⁷ Во введении и в первой главе примеры могут быть искусственными. И даже там, где использована реальная фраза из древнего памятника (как, например, в данном случае, когда взята фраза из берестяной грамоты № 43), она может быть подвергнута нормализации и упрощению и ссылка на источник может не даваться.

⁸ В соответствии с определением, предложенным в Тестелец 2001, клаузой является любое сложное предложение. Но с точки зрения основной задачи нашей работы столь широкое понимание термина «клауза» было бы неудобным, и мы им не пользуемся.

3. Отдельную клаузу составляет (вместе с подчиненными словами и вводящим союзом, если таковой имеется) второе (третье и т. д.) сказуемое в ряду однородных сказуемых. Например, во фразе *Дрополкъ же постою нѣколко днии оу Чернигова и възвратиса в Киевъ и распусти воѣ* — три клаузы. При этом общая начальная часть фразы, относящаяся по смыслу сразу ко всем однородным сказуемым (в данном примере — *Дрополкъ же*), с просодической точки зрения входит в ближайшую к нему (т. е. в первую по порядку) клаузу.

Все то же верно и для однородных именных сказуемых. Например, во фразе *старь есмь и болень часть и болень* — это отдельная клауза.⁹

Добавим к этому, что отдельную клаузу составляет также второй (третий и т. д.) инфинитив в ряду однородных инфинитивов. Например, во фразе *не могуу ити изъ ѡтчины своеѣ и со братьюю своєю розоитиса* часть *и со братьюю своєю розоитиса* — это отдельная клауза.

4. Отдельную клаузу составляет группа, вершиной которой является деепричастие.¹⁰ Например, во фразе: *добывь серебра, присли же* — две клаузы; во фразе *зане ѡнъ, мниши боуда, не покорить ми са* 'потому что он, будучи младшим, мне не покоряется' клаузой является, помимо фразы в целом, также *мниши боуда*.

Поясним, что деепричастиями мы называем здесь и ниже то, что в грамматиках древнерусского языка традиционно квалифицируется как действительные причастия в нечленной форме И. падежа, например, *вода, водачи, водаче, възьма, избивъ, присьлавъши* и т. п. С нашей точки зрения, в живом древнерусском языке они должны расцениваться как несклоняемые причастия или, что то же, как согласуемые деепричастия (см. ДНД₂, с. 134). Ввиду того, что они в ходе истории превращаются (путем потери согласования) в полноценные деепричастия и что этот процесс начинается уже в древнерусский период, мы считаем допустимым и уместным именовать их именно деепричастиями.

Таким образом, традиционный класс причастий мы подразделяем на деепричастия и собственно причастия. К последним относятся все причастия в членной форме и/или в косвенном падеже, а также все вообще страдательные причастия.

Примечание 2. Следует учитывать, что одиночное деепричастие часто имеет тенденцию превращаться в простое наречие (ср. в современном языке, например, *лежа, сидя, стоя, походя, нехотя, не евши* и т. п.). Это явление отмечается и в древнерусском; ср., например: *яко не вѣдам* ('по неведению') *къмь коупиль* (ПР, ст. 119). В таких случаях деепричастие не составляет отдельной клаузы.

Примечание 3. Необходимо особо оговорить способ членения древнерусских фраз с общим подлежащим у личной формы и деепричастия, поскольку он не всегда

⁹ В исключительных случаях отдельные клаузы образуются на основе не однородных сказуемых, а других однородных членов. Пример: клауза *ни на срѣци ми того не было* во фразе *brate и ѡйце, ако ни в оумѣ своемъ, ни на срѣци ми того не было* [1149], 136.

¹⁰ В редчайших случаях, оговариваемых при разборе особо, встречается объединение деепричастия в единую клаузу с основным сказуемым. Пример: *н(е) мози са лица оустыдѣвъ лъжи послуухъ быти* (Изб. 1076, л. 31 [с. 211 издания]); здесь невозможно вычленить клаузу деепричастия — просодическое единство отрезка *н(е) мози са лица оустыдѣвъ* такое же тесное, как в *хочю са бити*.

совпадает с современным. Мы будем исходить в этих случаях из такого членения на клаузы, как в следующих образцах (| – граница между клаузами): *поклонивъся Мьсти-славъ | рече*; *Мьстиславъ | поклонивъся | рече* (и, разумеется, такое же членение в случае, если перед *рече* имеется еще союз *и*).

5. Отдельную клаузу составляют различные синтаксические эквиваленты придаточного предложения. Помимо уже отмеченных выше оборотов с деепричастиями, сюда относятся: оборот *dativus absolutus*; оборот с обособленным причастием (как, например, *печалью одержимъ* во фразе *печалью одержимъ, плакашеса плачемъ великомъ*).¹¹

Особо отметим, что в древнерусском языке отдельной клаузой иногда оказывается то, что теперь нам представляется просто союзом: *накы ли, или, али*. Это видно в тех случаях, когда следующая клауза вводится своим собственным союзом (*а, да*), например: *или, а зовите Фому сѣмо* ‘если же не так, то зовите Фому сюда’; *накы ли, а рать зачнеши с нимъ* ‘если же нет, то будешь с ним воевать’ (подробнее см. § 1.21).

Следует, однако, признать, что предложенные выше уточнения все же не могут покрыть всех сложных случаев выделения клауз, — чтобы оговорить все такие случаи, нужно было бы сперва построить весь синтаксис. Поэтому смиримся с тем, что какие-то редкие случаи здесь не предусмотрены, и удовлетворимся тем, что на общие выводы эти единичные случаи практически не влияют.

Актантная группа

§ 0.6. В дальнейшем нам потребуется также понятие актантной группы. Условимся понимать под актантной группой каждое из непосредственно подчиненных сказуемому слов вместе со всем, что подчинено самому этому слову. (Подчиненным сказуемому, как и принято в современных работах по синтаксису, считается также подлежащее.)

Такая терминология соотносится с понятием актанта в широком смысле, включающим как актанты в узком смысле (обязательные участники ситуации), так и так называемые сирконстанты. Для наших целей разграничение актантов (в узком смысле) и сирконстантов нигде не требуется (а педантически точная формула «актантная или сирконстантная группа», разумеется, была бы недопустимо громоздкой).

Примечание 1. Поскольку в настоящей книге широко используется как понятие актантной группы, так и понятие тактовой группы, полезно напомнить, во избежание их смешения, что тактовая группа — единица фонетического членения текста (содержащая в нормальном случае только одно знаменательное слово), а актантная группа — единица синтаксического членения текста (которая может содержать как одно, так и несколько знаменательных слов).

¹¹ В редчайших случаях, оговариваемых при разборе особо, причастия образуют самостоятельные клаузы и за рамками названных случаев; такова, например, клауза *такое са исполнивша сребролюбимъ* во фразе *видя юго сотона тако са исполнивша сребролюбимъ веселашеса* (ЖАЮ, 316).

Условимся в нашем разборе входящие в состав актантных групп энклитики не учитывать (поскольку мы не должны считать их место заранее известным — наша задача состоит как раз в том, чтобы научиться предсказывать это место, исходя из остальных элементов фразы). Соответственно, если актантная группа просто состоит из энклитики (скажем, *ми*), то при разборе (или подсчете) актантных групп фразы она вообще из нашего рассмотрения исключается.

Например, во фразе *а ты са еси еще с людми Киевѣ не оутвердилъ* мы выделяем следующие актантные группы: 1) *а ты*; 2) *еще*; 3) *с людми*; 4) *Киевѣ*. Во фразе *и в Роуской землѣ части просилъ еси оу мене* — актантные группы: 1) *и в Роуской землѣ части*; 2) *оу мене*. Во фразе *сего ти мира zde не оулюбить братъ мои Рюрикъ* — актантные группы: 1) *сего мира*; 2) *зде*; 3) *братъ мои Рюрикъ* (обратить внимание на то, что энклитика *ти* здесь стоит внутри актантной группы *сего мира*).

Специально отметим, что группа, состоящая из однородных членов (но не именных частей сказуемого и не *л*-причастий), считается единой актантной группой. Например, во фразе *бчиноу нашоу и хлѣбъ нашъ взалъ еси* выделяется актантная группа *бчиноу нашоу и хлѣбъ нашъ*.

В особом положении находятся слова (или словосочетания), не входящие в структуру предложения (обращение, междометие, вводное слово), а также вклиненное придаточное предложение или деепричастный оборот. Мы будем называть их *инородными группами*.

Не являются актантными группами также вводящие клаузу союзы.

Таким образом, клауза в нормальном случае может быть разделена на а) сказуемое; б) актантные и инородные группы; в) вводящий клаузу союз.

Особый случай составляет актантная группа, разорванная другой группой, вклиненной в нее. Например, во фразе: *сии же тако пламень тѣ являше са томоу 'сие же пламя так являлось ему'* (Феод. 56а) актантная группа *сии пламень тѣ* разорвана актантной группой *тако*.

Возможна также ситуация, когда внутри актантной группы вклинено сказуемое (одно или вместе с чем-то еще), как, например, внутри группы *другую полтину* во фразе *другую даю полтину* или *другую даль юсмь Дмитру череньюю полтину*. Мы будем обозначать такую ситуацию как «охват сказуемого».

При охвате сказуемого для всех излагаемых ниже правил и классификаций существенна только левая часть разорванной таким образом актантной группы. Она приравнивается к целой актантной группе, а правая часть в нашем анализе уже просто не принимается во внимание (например, число членов подсчитывается только в левой части). Так, в приведенном примере для правил об энклитиках существен только отрезок *другую*; соответственно, с точки зрения этих правил мы имеем здесь дело с одночленной (а не двучленной) актантной группой.

Будем называть актантную группу, содержащую только одно фонетическое слово, одночленной, или легкой, а содержащую более одного фонетического слова — неодночленной, или тяжелой. (При наличии этих эпитетов слово «актантная» может опускаться.)

§ 0.7. Часть клаузы левее сказуемого, если таковая имеется, мы будем называть ради простоты предглагольной частью (поскольку точное название «предпредикатная часть» неудобно в употреблении).

Примечание 1. Если сказуемое составное (т.е. представляет собой не единую словоформу, а словосочетание), то предглагольной частью считается: при наличии вспомогательного глагола в аористе, имперфекте или л-причастии (или в форме *буду*, *будеши* и т.д.) — то, что стоит левее этого вспомогательного глагола; в прочих случаях — то, что стоит левее л-причастия смыслового глагола или именной части сказуемого.

В дальнейшем нас в основном будут интересовать клаузы с неначальным положением сказуемого (проклитики не в счет), поскольку при начальном положении сказуемого поведение энклитик тривиально и никаких проблем нет.

Среди клауз с неначальным положением сказуемого мы будем различать:

1. Простые клаузы, т.е. такие, где предглагольная часть состоит из одной легкой актантной группы или из одного непервообразного союза. Кроме того, считаются простыми также такие клаузы, где сверх указанных элементов имеется еще одна актантная группа из одиночного местоимения¹² (с предлогом или без) или наречия *къде*, *сьде*, *камо*, *тамо*, *сѣмо*, *како*, *тако*, *уже*.

При подсчете актантных групп в клаузе следует помнить, однако, что в этот счет не входят инородные группы, а также актантные группы, состоящие из одной лишь энклитики.

2. Осложненные клаузы — все остальные.

Осложненные клаузы подразделяются на:

тяжелые, т.е. такие, где предглагольная часть состоит из одной или нескольких тяжелых актантных групп;

многоактантные — все остальные.

Примечание 2. Многоактантные клаузы определяются, таким образом, чисто негативно: не простые и не тяжелые. Понятно, что их позитивное определение было бы несравненно более сложным (основным требованием в нем оказалось бы наличие двух или более актантных групп, из которых хотя бы одна — легкая; потребовались бы также уточнения, связанные с возможным участием непервообразного союза). Основной смысл разделения осложненных клауз на два подкласса можно огрубленно представить так: многоактантные клаузы отличаются от простых количеством актантов, а тяжелые — качеством. Правда, в принципе и многоактантные клаузы могут содержать отдельные тяжелые группы, и тяжелые клаузы могут иметь несколько актантных групп; но и в том, и в другом подклассе эти возможности фактически реализуются редко.

Примеры простых клауз:

сынъ ти са кланяеть;

моложьшему са не поклоню;

товарьць есмь послале Смольньску;

я есмь позываль тебе Кыевоу сѣдѣти;

¹² А именно, любой словоформы личного местоимения или местоимений *къто*, *что*, *тъ*, *сь*, *самъ*.

*ωже ма оумиришь съ братомъ;
кънаже, ты са на насъ не гнѣваи;
а мы са сами оурадимъ;
на есмь оуже старь.*

Особо отметим клаузы с охватом сказуемого (см. выше), например: *другую даль ꙗсмь Дмитру черенью полѣтину*. Данная клауза тоже считается простой, поскольку в силу сформулированного выше соглашения от неодночленной актантной группы *другую полѣтину* учитывается только левая часть (*другую*).

Примеры осложненных клауз:

тяжелые — *а дружина моя изнемогласа;
весь день чюду тому дивилиса;
неприязнивыи дѣмонъ ѿ змѣва образа на свои ѡбразъ премѣниса;*
многоактантные — *того вы братъ мои не велѣлъ;
онъ же нынѣ ворогъ ми са оучинилъ;
сего ти мира zde не оулюбить братъ мои Рюрикъ;
зане в землѣ нашей жито не родилоса нынѣ;
а ты са еси еще с людми Киевѣ не оутвердилъ.*

Мы указали здесь основные принципы данной классификации. По ходу дальнейшего изложения (§ 1.29, 4.3) будут обсуждены также возможности ее детализации и способы ее применения в ряде неочевидных случаев.

Строение книги

§ 0.8. Книга построена следующим образом.

Во введении определяются и обсуждаются основные понятия, используемые в дальнейшем изложении: клитика, проклитика, энклитика, тактовая группа (фонетическое слово), клауза, актантная группа.

В главе 1 рассматривается основное правило расположения энклитик — так называемый закон Вакернагеля, а также правило рангов, определяющее порядок следования энклитик при их контакте друг с другом. Вводится понятие ритмико-синтаксического барьера, рассматриваются различные типы таких барьеров и их роль в размещении энклитик. Вводятся понятия коэффициента препозиции и коэффициента неавтоматической постпозиции энклитик, которые в дальнейшем служат важным инструментом для оценки исторической эволюции энклитик.

В главе 2 обсуждается различие народных (иначе некнижных) и книжных черт в сфере поведения энклитик. В качестве образцов памятников некнижного типа взяты берестяные грамоты и прямая речь в Киевской летописи; дана общая картина поведения энклитик в этих двух источниках. Им противопоставляются памятники книжного типа, в качестве характерного представителя которых выбрано Житие Феодосия.

В главе 3 рассматривается историческая эволюция энклитических местоимений (кроме *са*). Выявляется динамика смены энклитических местоимений дательного и винительного падежей соответствующими полноударными.

Глава 4 посвящена исторической эволюции энклитики *са*. Исследуется поведение этой энклитики в различных классах клауз и в различных хронологи-

ческих, жанровых и стилистических категориях памятников. В результате в памятниках некнижного типа выявляется картина плавного исторического перехода энклитики *са* от первоначального полного подчинения закону Вакернагеля к статусу морфемы в составе глагольной словоформы. Между тем в книжных памятниках картина оказывается существенно иной: неподчинение закону Вакернагеля здесь наблюдается с древнейшего времени.

Глава 5 посвящена исторической эволюции связок. Выявляется динамика отмирания связок и действие компенсационного механизма, состоящего в употреблении личных местоимений взамен связок.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования.

Способ цитирования и условные знаки

§ 0.9. При цитировании в основном сохраняется графика и орфография подлинника. Допускаются, однако, небольшие упрощения (не оказывающие влияния на основной предмет нашего исследования) — в частности, снятие знаков придыхания над гласными, замена *ѣ* на *ы* и *і* на *и*, снятие титл (или знаков «взмета») над выносными буквами. Там, где это полезно для ясности, могут быть раскрыты (с добавлением опущенных букв в круглых скобках) сокращенные написания.

В цитатах для большей ясности смысла даются современные знаки препинания и заглавные буквы. Из длинных фраз иногда приводится только начальная часть (достаточная для иллюстрации поведения энклитик).

При цитировании по изданию мы как правило сохраняем орфографию издания (исправляя лишь явные ошибки). Но что касается словоделения и пунктуации, то здесь мы принимаем собственные решения, которые могут не совпадать с изданием. В частности, в пунктуации мы стремимся избежать того подспудного синтаксического переосмысления древних фраз в пользу привычного нынешнего восприятия, которое часто происходит при расстановке знаков препинания по современным формальным правилам.

Кавычки для обозначения прямой речи используются только в некоторых особых случаях, когда необходимо помочь читателю отличить прямую речь от авторской.

Сложный вопрос составляет слитное или раздельное написание *са*, стоящего непосредственно после глагола. Лингвистически оправданным здесь является раздельное написание *са* в древнейших памятниках и слитное в более поздних (в т. ч. в поздних списках с древних оригиналов). Практически мы сохраняем раздельное написание *са* только для старославянских памятников, евангелий XI–XII вв. и текстов из Успенского сборника (если специально не оговорено иное).

Сопровождать все цитаты переводами было бы ненужным педантизмом, растягивающим изложение. Перевод (всей цитаты или какой-то ее части) дается там, где, с нашей точки зрения, это поможет понять суть обсуждаемого лингвистического вопроса.

Словоформы или фразы, приводимые как таковые (т. е. не в составе цитат), даются в нормализованной записи (раннедревнерусской или позднедревнерус-